

Ксения Емельянова

Лепет

Книга стихов

Ксения Емельянова

Лепет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17191520

ISBN 9785447445676

Аннотация

Это первая книга автора. В нее вошла большая часть из написанного к настоящему времени. В целом, эта поэзия ближе к философской лирике. Почему «Лепет»? В эстетике автора огромное значение имеют образы детства: далекое и близкое собственное детство, детство сына, детство как особенное время открытия самого себя и мира вокруг. Жизнь, как речь ребенка, часто звучит невнятно. Задача поэта – вслушаться в этот лепет и что-то из него извлечь. Или хотя бы попробовать его передать.

Содержание

I		5
	«Волосы запахнут речной водой...»	5
	«Небо огромно и голубо, пусто...»	7
	«вот ковыляет по парку пустой пакет...»	9
	Человекочас	10
	Поздняя осень	11
	«О чужой жизни, о красивой до боли девочке...»	13
	«Здесь был пустырь. Семнадцатизэтажку...»	15
	Ночь	17
	«...в остальном тишина. Рост растений и ток воды...»	18
	Смоленское кладбище	19
II		20
	«Здравствуй, моя любовь, благоденствуй...»	20
	«Поселится один внутри другого...»	22
	«Зреет годами...»	23
	Вода и воздух	24
	Конец ознакомительного фрагмента.	25

Лепет
Книга стихов
Ксения Емельянова

© Ксения Емельянова, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

I

Здесь все меня переживет
(А. Ахматова)

«Волосы запахнут речной водой...»

Волосы запахнут речной водой,
станет прозрачнее вода глаз.
Если ты еще хочешь увидеть меня молодой,
время сделать это – сейчас.
Скоро мой сын станет жителем дачных мест,
будет бродить теленком в кустах смородины,
излазает каждый метр на пару км окрест
и всю жизнь будет звать это Родиной.
Я пополню ряды ситцевых матерей,
галерею женских образов: голос, руки, подол.
Время вокруг завьется – чем дальше от меня, тем
быстрей,
а в центре спирали все еще влажен воздух
и холодит ступню мною вымытый пол.
А у русских рек каждый год те же русые мальчики,
те же на бок брошенные велосипеды,
пожилые пары и дети, купальщики-дачники...
Сосед вечером говорит соседу:

«Умер Абрагин-то, пчел который держал».
На соседнем участке старая женщина,
жена (вдова) его Вера,
разговаривает с пионами:
«Уже отцветаете. Как же жаль.
Вы мои хорошие...»
А они опадают, и слушают,
в руки ее клонят головы,
и не верят.

«Небо огромно и голубо, пусто...»

Небо огромно и голубо, пусто.
Небо, небо над головой, тянет.
Тянется к небу лук и цветет капуста.
Полоть, поливать. Гадать, где тебя застанет.
До последнего часа чистить на суп картошку.
Легкие дни, полные трудной работы.
Руки, привычные к тряпке и поварешке.
Трудные дни легко улетают, что ты.
Небо, как вакуум, втягивает все, что
плохо держится. Время опережая,
можно бы было выскользнуть ненарочно,
если б земля за ноги не держала.
Неугомонные старые руки эти
сами собой работают, заводные.
Сколько любви они дали – живите, дети.
Ешьте, внучки и доченьки, пейте, мои родные.
Руки свои увидит и не узнает.
Я ль это? – думает. – Я. И когда успела?
Время меня качает и пеленает.
Ждет, когда я поспею.
Над головой высокое простирается,
взглянешь – порадует радугой или птицей.
Вспомнится, как наяву проявится,
время другое, которое часто снится.
Там молодая мама из леса красную

ягоду носит – ведрами. Утром ранним
в небе поют самолеты неясную гласную.

И земля почти заростила раны.

Вечером к музыке сходятся группами, парами
фронтоники – для девчат старики практически,
из летного училища – молодые парни,
и девушки – из педагогического.

Все там было иначе. Только небо осталось то же,
тянет за пуповину к сердцу и темени.

Голубой колыбелью пространства и времени
обнимает нас. И зачатки на нас похожих
уже носит в себе.

«ВОТ КОВЫЛЯЕТ ПО ПАРКУ ПУСТОЙ ПАКЕТ...»

вот ковыляет по парку пустой пакет
воздух перебирает древесный пух
дальние звуки трогают нежно слух
все слегка шевелится, но вроде бы ветра нет

подросток-щенок инспектирует сумки тётъ
огороды сорного времени не прополоть
ветошка серая, нежность житья-бытья
прошлогодня верба, вчерашняя поминальная кутья

вещи в руках рассыпаются, обращаются в пыль
дворники их сметают из небыли в быль
потихоньку отворачивается от солнца лицо земли
и, взлетая, гудит вдали

электричка – пустая коробочка. неуют телес.
человека у эскалатора пакуют в пакет небес.
куколка. смерть моя. дверь. на траве двора
скачет прозрачная детвора

Человекочас

терпкий ветер, как тёплый лепет, вчерашний день
близко-близко, око видит да зуб неймёт
время в банке – на полку, пожалуйста, не задень
– для застолья на новый год

звон трамвая в арке, эхо и воздух снов
это лето тепло экономило – про запас
консервированное молчанье, моя любовь
человекочас

одичавших ассоциаций не соберёт,
спит мой ум пастухом под деревом, крепок ствол
а вокруг золотые пчёлы творят свой мёд
на живую нитку шитое вещество

Поздняя осень

1.

Поздняя осень. Девушка в двадцать восемь.
Судьба на ладони, но надо ее прожить.
Первое дело, когда становишься взрослым, —
детские игры свои оплатить.
Память закидывает вопросами.
Как бы душою не покривить.
Судьба формируется, как рельеф, как речное русло,
в землетрясениях юности,
вторит пейзажам родной земли.
Где родился, там пригодился.
С кем водился, чему учился.
От кого отвернулся.
Кому слова и дела твои не помогли.
С этих высот жизнь кажется обозримой.
Солнце сияет на всем, и белым-бела
тропка до самой смерти. Давай, родимая.
Ребеночка на руки и пошла.

2.

Поздняя осень – женщина в двадцать восемь.
На солнышке молодо выглядит, улыбается.
Излучает ответное гаснущее свечение.
Жизнь, как битая октябрьская антоновка,
душиста и неказиста,

как лес в ноябре, безлистый,
в нежданно погожий день забывает, что плохо одет,
греет веточки.

В ожидании зимы

земля подставляет бока

в желтых клочьях травы на буром подшерстке,

как дворняга вылинявшую шкуру, —

солнцу, ослепительному белому солнцу,

которое, как любящий взгляд Бога,

все преображает в чистую

пронзительную

красоту.

«О чужой жизни, о красивой до боли девочке...»

О чужой жизни, о красивой до боли девочке,
я снимала бы фильм с открытым, пустым финалом,
с незаметным концом, потерянным за рекламой,
словно, прервавшись, его забыли возобновить.
Полтора часа она светилась бы каждой клеточкой,
а потом затесалась бы, как мысль перебитая,
которую не вспомнить, не договорить.
Так, примерно, и нам суждено жизнь прожить.
Мы уходим, кто сразу, кто постепенно,
друг у друга из поля зрения, неизменно
в социальных сетях всплывая под Новый год.
И, по большому счету, не будет большой разницы,
от того, кто первым из нас умрет.
Тот, кто первым умрет, заслужит себе охов-ахов,
породит в нескольких душах несколько смертных
страхов,
по большому счету, каждый сам за себя.
Даже за тех, кого любишь, как никого другого,
мысль о ком не оставит в покое,
в горе, в радости не исчезнет,
ты не ляжешь ни в гроб, ни на одр болезни.
Разве только замолвишь слово.
Перед той, которая нас запирает

в этом мире, помешивает, вынимает
готовенькими или полусырыми, не балуя слишком.
Все мы варимся здесь под одной крышкой.

«Здесь был пустырь. Семнадцатietàажку...»

Здесь был пустырь. Семнадцатietàажку
на нем поставили, как коробок, потом.
В ней дети чьи-то выросли. Она же
стоит еще все будто на пустом.

Не заросло. И край остался краем.
Его я чувствую, хотя меня
здесь не было, когда пугали лаем
собачьи стаи воздух пустыря.

От новой стройки за ж/д путями
разносятся удары. Будет дом.
Их звук летит над здешними местами
и мерой гулкосты исследует объем

пространства. Он слетает на поверхность
пруда, вокруг которого с тобой
по воскресеньям ходим и, наверно,
не раз пройдем и летом, и зимой.

Здесь перед тем, как в храм нести к причастью,
катаем сына мы в коляске, не спеша.
Здесь мы вырастем неповторимой жизни частью.

Здесь наша жизнь уже почти прошла.

Ночь

Как холодно бежали облака,
и как ребенок мой, проснувшийся в тревоге,
оранжевые фонари дороги
увидев, замер на моих руках;
как мы стояли у открытого окна:
в прозрачном воздухе острее были грани
высотных освещенных зданий,
и только черная листва была темна;
подъездов лестничная пустота
светила в каждом доме ровной строчкой,
и самолет невидимый взлетал,
мигая красной точкой, —
все это было Божий дар, ему и мне,
и мы одновременно жили,
как будто в этой синей глубине
нас отпустили и благословили.

«...В ОСТАЛЬНОМ ТИШИНА. Рост растений и ток воды...»

...в остальном тишина. Рост растений и ток воды.
И в воде оплывают облачные гряды.
Только тем и бывает нарушен порой покой,
что кулик-невелик пролетит над самой водой.
По пологому берегу отмели и песок,
на обрывистом – сосны, солнце в левый висок.
Мы плывем, берега плывут, и вода течет,
и петляет река, повторяется поворот.
Сколько я не видала в мире других чудес,
и тропических пляжей, и южных ночных небес —
хоть бы глазом одним, проездом, пролетом хоть...
Но увидеть иные места не привел Господь.
Значит, здесь мне и быть, и во всю мою душу глядеть.
Голубым и зеленым глазницы свои заливать.
На равнинной земле родиться и умереть.
Здесь мне после опочивать.
Тем и дорог запах хвои лесной, смолы
и журчанье реки о поваленные стволы,
что возьмет с собой их образ моя душа,
когда тело не сможет ни слышать уже, ни дышать.

(Река Пра, Мещерский заповедник.)

Смоленское кладбище

Зелены листья,
небеса чисты.
Покупаешь крест из берёсты.
Грош цена – носи.
Только попроси.
Как Его прощение просто!
В стену лбом стоять —
камень холодит,
как рукой снимает горячку.
Крест берестяной
купишь себе сам,
«сердце чисто» будет на сдачу.
Голова пуста,
колет береста,
косточки лежат – не проснутся.
Чёрные оградки,
не могилки – грядки,
у ворот на них обернуться.
Путь тебе знаком,
до метро пешком,
ветер отрезвляюще жёсток.
Крест из бересты.
Это снова ты.
Что же ты застыл? – перекрёсток.

II

«Здравствуй, моя любовь, благоденствуй...»

Здравствуй, моя любовь, благоденствуй.
Как ты здесь оказался, спустя семь лет с половиной?
У того же балкона стоишь, будто в окно вошел.
Мне в тебя не поверить.
Видишь, и правда, жизнь оказалась длинной.
Кто из нас в следующий раз придет к другому
с повинной?
Я уже не знаю, грешно это или смешно.
Я забыла, что ты есть на свете, но
в разговорах невольно и невзначай
я, случалось, копировала твою мимику и интонации.
Странная жизнь. В ней есть перегоны и станции.
В ней забудешь начало, не дочитав до конца.
Но сквозь черты и резы на всех страницах
проступают черты твоего лица.
Здравствуй, моя любовь, благоденствуй.
Жизнь оказалась длинной. Спустя семь лет
ты стоишь, источая прозрачный свет,
смотришь на синюю ночь, на лицо Вселенной,

ты живыми глазами впускаешь ее в себя,
и становишься в ней нетленным.

я люблю тебя

небо светает

И не ты ли из головы моей вышедший
сон, который к утру забыть?

Эта ночь через минуту растает.

Ты рассеешься, может быть.

«Поселится один внутри другого...»

Поселится один внутри другого,
и будут временами говорить.
Который час? Ответит: Полшестого.
То посмеется, то подскажет, то пошутит,
Посмотрит молча, может быть.

За годы в облике ничто не изменится.
Не постареет, и волос не пострижет.
И встреча первая все будет длиться, длиться.
И это время не пройдет.

«Зреет годами...»

Зреет годами,
случается в одночасье.
Нет между нами
больше ни ссор, ни истерик.
Я ничего не требую.
Ты не властен
ни над горем моим, ни над счастьем.
Мы, вероятно, увидим Америку,
но время и место
не совпадут.

Ноги мои побредут
по тресковому мысу,
утопая в песке по косточку.
Ты, наверное,
разведешь разговоры в Денвере
или в форточку
будешь в Москве покуривать, как сейчас.
Но ничто не излечит нас.

Вода и воздух

1.

Разум кодирует опыт в образы,
режиссирует сны.

Каждый год я не верю, что доживу до весны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.